РЕЦЕНЗИИ

УДК 904

DOI: 10.17223/2312461X/12/8

Пименов В.В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки / Сост., отв. ред., автор эпилога Т.С. Гузенкова. — СПб.: Аврора, 2015. — 320 с., 200 ил. — Серия «Общая тетрадь». ISBN 978-5-7300-909-7 (Т.Д. Соловей)

Известный советский и российский ученый-этнограф Владимир Владимирович Пименов (1930–2012) впервые, насколько я помню, анонсировал подготовку книги мемуаров в 1994 г. Тогда же в журнале «Этнографическое обозрение» был опубликован ее фрагмент, посвященный Н.Н. Чебоксарову (Пименов 1994: 146–152). В 1995 г. публикация биографических заметок была продолжена в сборнике памяти С.А. Токарева (Пименов 1995: 70–82). Во многом мемуарный характер имела и статья, вышедшая много позже в сборнике памяти академика Ю.В. Бромлея (Пименов 2003: 12–18).

В целостном и завершенном виде «очень личные заметки» Пименова, начатые им в 1989 г. (с. 5), увидели свет лишь четверть века спустя – в 2015 г. После смерти ученого его замысел довела до завершения его вдова, коллега по цеху, единомышленник и друг, Т.С. Гузенкова.

Книгу «Моя профессия – этнограф» правильно было бы квалифицировать как разновидность биографических заметок или мемуаров, писавшихся именно с целью публикации. В отличие от интимных дневниковых записей «для себя» предполагаемая публичность неизбежно сглаживает остроту оценок и смягчает выводы, что, однако, не снижает ценности подобных мемуаров как источника.

В подобном типе мемуаров вопрос об объективности / субъективности автора, а также достоверности / мифологизированности созданной

им картины отходит на второй план. В конце концов, правда — это то, с чем мы согласны. Если следовать этой максиме, то единственным надежным критерием отношения к любой форме (само)рефлексии выступает ее способность вызвать эмоциональный отклик. И это в полной мере приложимо к представляемой книге. Картина мира «по Пименову», сформированная его индивидуальным дотеоретическим опытом, особенностями мировоззрения, культурно-ценностными презумпциями и особенностями личностного темперамента, — выпукла и многомерна. Сотканный им миф о времени, этнологии и о себе в этнологии не оставляет равнодушным и стимулирует ответную рефлексию.

Книгу открывают пролог и краткое жизнеописание, составленные самим В.В. Пименовым. Жизнеописание особенно важно, поскольку позволяет вписать мемуары в целостный биографический континуум. Ведь сами мемуары охватывают хронологически ограниченный период: первое послевоенное десятилетие, на которое пришлось профессиональное становление ученого, включая окончание школы, поступление на исторический факультет МГУ, выбор специализации (по кафедре этнографии) и первые годы трудовой деятельности по окончании университета (Петрозаводский период биографии).

Исторический и идеологический ландшафт рубежа 1940–1950-х гг. в мемуарах отчетливо узнаваем. Позднесталинская эпоха с ее драматизмом, удушающей культурной и интеллектуальной атмосферой все же была отмечена некоторыми позитивными для судеб науки изменениями. Хотя методологическая рамка этнографии по-прежнему задавалась извне, по сравнению с 1930-ми гг., когда этнографию минимизировали до унизительного статуса вспомогательной дисциплины, началось медленное восстановление ее в правах. Знаменитым выступлением Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (1950) был лишен верховного благословения марризм, дотоле блокировавший интеллектуальный поиск в гуманитарных дисциплинах. Правда, для этнографии последствия этого избавления были амбивалентными: освободившись от одной методологической рамки – яфетической теории, наука приобрела новую - канонизированные сталинские положения. Но все же важным призом стало кардинальное расширение понимания предмета этнографии. К началу 1950-х гг. советская этнография из науки о первобытном обществе, пережитках и триумфальном марше национальных окраин к социализму вновь, как за три десятилетия до этого, превратилась в науку об этносах.

Примерно в это же время происходило формирование концепции профессионального этнографического образования. Хотя кафедра этнографии была создана в 1939 г., потребовались поистине титанические усилия ее первого заведующего, С.П. Толстова, чтобы совершить в корпорации профессиональных историков перелом от взгляда на этно-

графию, как сугубо описательную и вспомогательную (при истории) дисциплину, до признания ее наукой, равноценной в семье исторических дисциплин, обладающей собственным предметом и качественной спецификой. Этнография была прочно интегрирована в систему исторических дисциплин. Исторический аспект абсолютно преобладал в учебной подготовке и исследовательской деятельности кафедры тех лет. Серьезное изучение и, тем более, научная концептуализация современности были невозможны в накаленной политико-идеологической атмосфере рубежа сороковых и пятидесятых годов.

Несмотря на оговоренную выше хронологическую ограниченность мемуаров, они весьма насыщены по содержанию. В них отчетливо выделяются несколько сквозных сюжетов, манера подачи которых указывает на их высокую психоэмоциональную значимость для автора мемуаров. Это рефлексия о гражданском и научном конформизме / нонконформизме, об «активной прикладной, практической роли этнографической науки» и «ее высокой социальной ответственности», о качественных характеристиках лидера (руководителя) в науке, о соотношении теории (методологии) и «этнографического поля».

Смысловую доминанту мемуаров составляют размышления о выборе профессии. В более широком смысле это вопрос о том, чем обусловлена самореализация человека в жизни. На первый взгляд, ответом на него может служить тезис о динамичном сочетании *объективных* (т.е. не зависящих от человека) обстоятельств и факторов и *волевого* импульса. Пименов описывает свой путь в профессию как акт сознательного выбора в пользу этнографии, поскольку «именно в этнографии открывается возможность интенсивно и продуктивно работать в области теории и методологии, чего мне очень хотелось» (с. 56). Как следует из текста, этот выбор был подкреплен моральным аспектом — желанием «идти на помощь», поскорее «заделать пробоины в днище ее (этнографии. — T.C.) теоретического корабля» (Там же).

Хотя нет ни малейших оснований сомневаться в искренности написанного, весьма вероятно, что значение сознательного «волевого начала», якобы определяющего акт сознательного выбора, несколько преувеличено. Когнитивная психология свидетельствует в пользу того, что наш выбор чаще всего эмоционален, а рационализируется лишь постфактум. Мне представляется, что выбор той или иной стратегии — в жизни, в науке ли — представляет собой бессознательное тяготение, реализацию индивидуального психологического профиля. Руководствующийся будто бы только разумом, а также моральными и материальными императивами человек — это не более чем абстракция.

Парадоксальным образом мемуары Пименова подтверждают предположение об эмоциональности, а не рациональности его выбора в пользу кафедры этнографии. С юношеских лет Владимир Пименов де-

монстрировал диктуемое эмоциями «художническое» отношение к науке. В его блестящих портретных зарисовках преподавателей исторического факультета МГУ и кафедры этнографии явственно проступает страсть к эстетике лиц и фигур, к риторике, к театральности демонстрации и самовыражения. Да и личную робость юноша преодолевал, сперва ощущая, а позднее осознавая силу воздействия собственных (студенческих) выступлений, успех гражданского и общественного активизма. Его выбор в пользу исторического факультета МГУ был эмоциональным (бессознательным) протестом против – как ему тогда казалось – казенности и «застегнутости» Института международных отношений, куда ему советовали поступать (с. 17). А выбор в пользу кафедры этнографии, кажется, должен был удовлетворить его потребность в романтике.

Харизма, риторическое мастерство, языковой пуризм, демонстрация энциклопедических знаний и внешняя красота всегда входили в число качеств, высоко ценимых В.В. Пименовым.

Книгу «Моя профессия — этнограф» отличают высокая издательская культура и интеллектуальная добросовестность. К мемуарам прилагаются обширные фотоматериалы, факсимильное воспроизведение страниц полевого дневника В.В. Пименова, который он вел в качестве начальника Южного отряда Этнографической экспедиции Карельского филиала АН СССР 1961 г., и библиография трудов ученого.

Содержательный эпилог «Профессия этнограф – жизнь и судьба», написанный Т.С. Гузенковой (с. 261–309), дополняет портрет ученого и гражданина тонкими нюансами, придающими облику В.В. Пименова выпуклость, многомерность, живость и подлинную человечность.

Книга будет безусловно интересна всем историкам науки, но особую важность, думаю, она может иметь для тех молодых людей, кто пытается искать свой путь в современной этнологии.

Т.Д. Соловей *Московский государственный университет*

Литература

 Π именов В.В. Кафедра этнографии истфака МГУ в начале 1950-х годов — Н.Н. Чебоксаров // ЭО. 1994. № 2. С. 146—152.

Пименов В.В. Труд ради науки // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 70–82.

Пименов В.В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю.В. Бромлея // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 12–18.

Solovei Tatiana D., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Review of Pimenov V.V. Moya professiya – etnograf. Ochen' lichnye zametki o ne slishkom davnem proshlom, nastoyashchem i budushchem otechestvennoi etnograficheskoi nauki [Review of Pimenov. V.V. Ethnography is my profession. Some very personal notes on the rather recent past, the present and the future of national ethnography] / Sostavitel', otv. redaktor, avtor epiloga T.S. Guzenkova [Compiled and edited by T.S. Guzenkova. Epilogue is by T.S. Guzenkova]. – SPb.: Izdatel'stvo "Avrora", 2015. – 320 p., 200 ill. – Seriya "Obshchaya tetrad'". ISBN 978-5-7300-909-7.

DOI: 10.17223/2312461X/12/8

References

- Pimenov V.V. Kafedra etnografii istfaka MGU v nachale 1950-kh godov N.N. Cheboksarov [Department of ethnography at MSU faculty of history in the early 1950s N.N. Cheboksarov] // EO, 1994. № 2. pp. 146–152.
- Pimenov V.V. Trud radi nauki [Working for science] // Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve uchenom i cheloveke [We are grateful for the fortune of having met him. Sergey Aleksandrovich Tokarev: a scientist and a man] / Otv. red. S.Ya. Kozlov, P.I. Puchkov. M.: IEA RAN, 1995. pp. 70–82.
- Pimenov V.V. Ponyatie 'etnos' v teoreticheskoi kontseptsii Yu.V. Bromleya [The notion of 'ethnos' in Yu.V. Bromley's theoretical conception] // Akademik Yu.V. Bromlei i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-e gody [Academician Yu.V. Bromley and national ethnology. From 1960s to 1990s] / Otv. red. S.Ya. Kozlov. M.: Nauka, 2003. pp. 12–18.